

— Это не любовь, — не удержался Ци Цяньсюэ, произнеся это тихо.

Смушение и раздражение в его глазах были слишком явными, уголки глаз окрасились в ярко-красный цвет. Цинь Цзыму издал низкий смешок и, слегка наклонившись, прикоснулся губами к уголку его глаза.

Горячее дыхание обожгло кожу, мягкие губы нежно прикоснулись к уголку глаза, словно перебирая его, с оттенком нежности и заботы, но слова, которые он произнёс, были полны холодной насмешки.

— А что такое любовь? Как жалкий щенок, который виляет хвостом у твоих ног, умоляя о внимании, и ждёт, пока ты благосклонно бросишь на него мимолётный взгляд, чтобы затем снова продолжать ждать в этой бесконечной тьме?

Цинь Цзыму пальцем коснулся уголка глаза Ци Цяньсюэ, из которого уже навернулись слёзы, и с улыбкой произнёс:

— Если ты хочешь завести собаку, ты должен кормить её мясом. Разве ты забыл? Недокормленная собака может убить своего хозяина.

Пока Ци Цяньсюэ смотрел на него сквозь слёзы затуманенным взглядом, Цинь Цзыму взял красную ленту, лежащую рядом, и, схватив его руку, стал завязывать её.

Ци Цяньсюэ сопротивлялся, пытаясь вырвать руку, но силы его были несравнимы с Цинь Цзыму, и это лишь причиняло ему боль. Лента обвилась вокруг его запястья несколько раз, яркий, обжигающий красный цвет на почти прозрачно-белой коже делал его похожим на упакованный подарок.

— Отвали, — Ци Цяньсюэ в гневе пнул Цинь Цзыму.

Тот даже не пошевелился, лишь тихо рассмеялся, а его пальцы уже начали расстёгивать пуговицы на рубашке.

Раздался звук рвущейся ткани.

Большая часть белоснежной груди обнажилась, даже в темноте она казалась светящейся. Розовые соски выделялись на фоне белой кожи, создавая резкий контраст.

Цинь Цзыму слегка наклонился, ласково прижавшись к Ци Цяньсюэ, игнорируя его враждебное поведение, и сладким голосом произнёс:

— Я научу тебя, как ухаживать за собакой. Собаки самые верные.

Одновременно его рука медленно двинулась к поясу брюк, продолжая тереться о тело.

...

Когда сознание снова начало возвращаться и он уже не парил в облаках, казалось, что прошло много времени, может быть, час или два.

Красная лента, которая связывала его руки, была развязана, но они всё ещё безвольно свисали над головой. До этого Цинь Цзыму одной рукой удерживал его, поднимая руки вверх.

Одежда на нём была изорвана и уже не подлежала носке. Места, которые раньше были

белыми, теперь стали грязно-красными, и они немного болели, так как их долго сосали и кусали.

Брюки были сняты, внутренняя сторона бёдер была красной и болезненной, как будто кожа была содрана, а что-то скользкое стекало к лодыжкам.

Раньше сознание Ци Цяньсюэ было затуманенным, как будто его поместили в пароварку, жар лишил его рассудка, и он даже не понимал, что происходит.

В носу стоял сильный, неприятный запах. Ци Цяньсюэ не любил этот запах, и ему не нравилось, что его держат в клетке. Он тихо всхлипывал.

Человек, которого всегда баловали, когда-либо испытывал такое обращение.

Даже если он ещё не плакал, а лишь хныкал от обиды, это заставляло задуматься, не перешли ли границы.

Его изрядно помяли, и теперь он был без одежды, руки не могли подняться, ноги беспомощно пнули Цинь Цзыму:

— Я хочу одеться.

Он думал, что пнул сильно, но ноги, долгое время находившиеся в одном положении, были слабыми и не могли приложить достаточно силы. Даже голос звучал мягко, как вода, совсем не так властно, как он хотел.

Альфа, чьи желания были удовлетворены, даже в период гона становился более сговорчивым.

Он взял ногу Ци Цяньсюэ и слегка надавил. Усталые мышцы мгновенно отозвались резкой болью. Даже когда его обижали, Ци Цяньсюэ не плакал, но от массажа, который должен был облегчить боль, из уголков глаз потекли слёзы.

— Больно? — Цинь Цзыму продолжал массировать, одновременно спрашивая Ци Цяньсюэ.

Ци Цяньсюэ хотел отдернуть ногу, но не смог. Руки Цинь Цзыму скользили по его бедру, размазывая жидкость, которая всё ещё стекала по ноге. Даже если он не чувствовал феромонов, он мог понять, что теперь он весь пропитан запахом Цинь Цзыму.

— Отвратительно, — ругался Ци Цяньсюэ.

Он однажды чувствовал запах цветов ромашки, и этот запах был очень похож. Ему это не нравилось.

Цинь Цзыму не рассердился, когда его называли грязным. Его эмоции всё ещё были бурными, но временно подавленными.

Он обнял Ци Цяньсюэ, и из-за разницы в росте это объятие выглядело так, словно он создал идеально подходящую ему куклу.

— Пойдём, я отведу тебя в ванну, — сказал Цинь Цзыму.

Комната была темной, шторы плотно закрыты, и трудно было разглядеть, какое время суток на улице. Ци Цяньсюэ посмотрел пару раз и сдался.

Его телефон уже давно забрал Цинь Цзыму, на нём была только свободная, изорванная рубашка и трусы. К счастью, подол рубашки был достаточно длинным.

Он полностью обвился вокруг Цинь Цзыму, чья рука через тонкую ткань легла на достаточно мягкое место, пальцы вдавились в кожу, и Ци Цяньсюэ время от времени подтягивал подол рубашки.

Самообман.

Когда Цинь Цзыму налил ему горячую воду и собирался помочь ему помыться, Ци Цяньсюэ наконец не выдержал и гневно крикнул:

— Убирайся!

Сегодня он чаще всего говорил Цинь Цзыму убираться, и тот ни разу не послушал его. Но на этот раз он слегка замер и действительно вышел.

Ци Цяньсюэ, увидев это, быстро закрыл дверь, запер её и, дрожа, залез в ванну.

Цинь Цзыму сидел у двери ванной. После того как он оставил Ци Цяньсюэ, он, казалось, снова стал таким, каким был раньше. Волосы на лбу были немного длинными, закрывая глаза, в которых читалась мрачность.

Комната была настолько тёмной, что не было видно ни одного луча света. Он почти слился с темнотой.

Подсчитав примерно полчаса, он постучал в дверь ванной, голос его был хриплым:

— Ты закончил?

Альфа в период гона не мог ни на минуту оставаться без своего омеги.

Из ванной не было слышно звуков, но на двери раздался стук чего-то брошенного.

Вероятно, это был гель для душа или что-то подобное, что просто швырнули в дверь.

Какой скверный характер.

Цинь Цзыму тихо рассмеялся, немного развеялась его мрачность. Он плотно прижался к двери, как будто искал утешения, и тихим, соблазнительным голосом произнёс:

— Скажи что-нибудь или брось ещё что-нибудь, всё, что угодно.

Внутри наступила тишина, но через несколько секунд на дверь полетела целая куча вещей. Судя по силе ударов, казалось, что хотят пробить в двери большую дыру.

Цинь Цзыму прислонился к двери, и из его горла вырвался тихий, довольный смешок.

После ванны Ци Цяньсюэ был вынужден надеть одежду Цинь Цзыму. Цинь Цзыму был выше его, и одежда на нём сидела, как на ребёнке, который надел вещи взрослого. Но, по крайней мере, она прикрывала больше.

Думая об этом, Ци Цяньсюэ подтянул подол одежды, пытаясь утешить себя, что теперь у него хоть немного больше безопасности.

Если бы кто-то был рядом, он бы заметил, что Ци Цяньсюэ, обнятый Цинь Цзыму, весь пропитан его запахом, послушно прижимается к нему, а его длинные белые ноги также обвиты руками Цинь Цзыму.

Бета не имеет феромонов и не может быть помечен, поэтому единственный способ — это постоянно пропитывать его своим запахом.

Цинь Цзыму время от времени наклонялся, чтобы прижаться к волосам Ци Цяньсюэ или поцеловать его в щёку.

Просто носить его одежду было недостаточно, как будто требовался более тесный и глубокий контакт.

Ци Цяньсюэ, обнятый Цинь Цзыму, из-за его постоянных прикосновений, как будто он гладит кошку, начал клевать носом, лениво зевнув, и его розовый язык мелькнул:

— Я голоден.

Цинь Цзыму поднял Ци Цяньсюэ, включил свет и достал еду, которую он, видимо, заранее положил в термос, и она всё ещё была горячей:

— Ешь.

Всё это было любимыми блюдами Ци Цяньсюэ, но как только он подумал, что Цинь Цзыму заранее приготовил их, аппетит сразу пропал.

Обманщик.

Во время еды Цинь Цзыму также держал его на руках. Из-за того что Ци Цяньсюэ был совершенно расслаблен, в итоге его кормил сам Цинь Цзыму.

Он не хотел отпускать его ни на секунду.

После еды Ци Цяньсюэ немного захотелось спать. Обычно он мог спать много часов. После сильного нервного напряжения, убедившись, что Цинь Цзыму больше ничего с ним не сделает, он расслабился, и его пальцы начали тереть пуговицы на одежде Цинь Цзыму.

<http://bllate.org/book/16294/1468699>